

Л. К. Масиель Санчес ^a<https://orcid.org/0000-0001-8092-5430>✉ leomaciel@mail.ru**Ю. Д. Старостенко** ^b<https://orcid.org/0000-0002-1840-931X>✉ ystarostenko@yandex.ru**К. А. Малич** ^c<https://orcid.org/0000-0003-4213-9468>✉ kseiamalich@gmail.com**И. В. Невзгодин** ^d✉ i.nevzgodin@tudelft.nl**Н. Ю. Васильев** ^{ef}<https://orcid.org/0000-0003-1849-8073>✉ nikolai@vassiliev.net**А. Н. Селиванова** ^g✉ al.selivanova@gmail.com**А. С. Дуднев** ^h<https://orcid.org/0009-0006-1926-0445>✉ dudnev@gmail.com**К. М. Гудков** ^h<https://orcid.org/0000-0002-6452-0211>✉ kmgudkov@gmail.com

Интервью и примечания:

В. Г. Басс ⁱ<https://orcid.org/0000-0003-4725-6356>✉ bass@eu.spb.ru^a независимый исследователь (Мексика, Мехико)^b Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А. В. Щусева (Россия, Москва)^c Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Россия, Санкт-Петербург)^d Делфтский технический университет

(Нидерланды, Делфт)

^e Московский государственный академический художественный институт им. В. И. Сурикова при РАХ (Россия, Москва)^f Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (Россия, Москва)^g Университет Баухаус (Германия, Веймар)^h Московская высшая школа социальных и экономических наук (Россия, Москва)ⁱ Европейский университет в Санкт-Петербурге (Россия, Санкт-Петербург)

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ СО СТОЛЕТНЕЙ ДИСТАНЦИИ: ЗАМЕЧАНИЯ О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. Публикация представляет собой серию коротких интервью с рядом ведущих историков советской архитектуры. В последние десятилетия количество исследований в этой сфере растет лавинообразно. Эту волну публикаций можно рассматривать как ревизию существовавших ранее представлений — или как их развитие. Есть ли какая-то особенная перспектива, особый взгляд и инструментарий в «свежих» исследованиях советской архитектуры первой половины XX в.? Насколько продуктивна «политическая» рамка, методология, связывающая архитектурные процессы, здания, проекты, языки прежде всего со вкусами и запросами власти? Какой масштаб исследования — от макроистории советской архитектуры «в целом» до микроистории конкретных сюжетов — представляется наиболее перспективным? Какие проблемы занимают наших собеседников (история профессиональных институтов, творчество отдельного архитектора, история форм, архитектурных идей, теорий, школы, проектной инфраструктуры, вопросы центра — периферии и т. д.)? Каких исследований, по их мнению, еще не хватает?

Ключевые слова: история советской архитектуры, архитектурная историография, советский конструктивизм, советский модернизм, архитектура сталинского периода, «сталинский неоклассицизм», история архитектурных институций, история архитектурного проектирования

Для цитирования: Масиель Санчес Л. К., Старостенко Ю. Д., Малич К. А., Невзгодин И. В., Васильев Н. Ю., Селиванова А. Н., Дуднев А. С., Гудков К. М. История советской архитектуры со столетней дистанции: замечания о современном состоянии исследований / Интервью и примечания В. Г. Басса // Шаги / Steps. Т. 11. № 2. 2025. С. 262–292. EDN: YNGDDW.

Поступило 19 января 2025 г.; принято 2 апреля 2025 г.

Shagi / Steps. Vol. 11. No. 2. 2025
Interviews

L. C. Maciel Sánchez ^a

<https://orcid.org/0000-0001-8092-5430>
✉ leomaciel@mail.ru

Yu. D. Starostenko ^b

<https://orcid.org/0000-0002-1840-931X>
✉ ystarostenko@yandex.ru

K. A. Malich ^c

<https://orcid.org/0000-0003-4213-9468>

✉ kseiamalich@gmail.com

I. V. Nevzgodin ^d

✉ i.nevzgodin@tudelft.nl

N. Yu. Vassiliev ^{ef}

<https://orcid.org/0000-0003-1849-8073>

✉ nikolai@vassiliev.net

A. N. Selivanova ^g

✉ al.selivanova@gmail.com

A. S. Dudnev ^h

<https://orcid.org/0009-0006-1926-0445>

✉ dudnev@gmail.com

K. M. Gudkov ^h

<https://orcid.org/0000-0002-6452-0211>

✉ kmgudkov@gmail.com

Interview, Notes:

V. G. Bass ⁱ

<https://orcid.org/0000-0003-4725-6356>

✉ bass@eu.spb.ru

^a *Independent Researcher (Mexico, Mexico City)*

^b *A. V. Shchusev State Museum of Architecture
(Russia, Moscow)*

^c *HSE University (Russia, Saint Petersburg)*

^d *Delft University of Technology (The Netherlands, Delft)*

^e *Moscow State Academic Art Institute named after V. I. Surikov
of the Russian Academy of Arts (Russia, Moscow)*

^f *National Research Moscow State University
of Civil Engineering (Russia, Moscow)*

^g *Bauhaus University Weimar (Germany, Weimar)*

^h *Moscow School of Social and Economic Sciences
(Russia, Moscow)*

ⁱ *European University at St. Petersburg (Russia,
Saint Petersburg)*

THE HISTORY OF SOVIET ARCHITECTURE FROM A HUNDRED-YEAR DISTANCE: SOME NOTES ON THE CURRENT STATE OF RESEARCH

Abstract. The publication presents a series of short interviews with several prominent historians of Soviet architecture. During the last few decades, there has been an explosive increase of research in this field. Such a wave of publications might be viewed as either the revision of existing concepts or as their development. Is

there any peculiar perspective and specific methodology typical of recent studies of Soviet architecture of the first half of the 20th century? Is it fruitful to employ a “political” methodology that connects architectural processes, buildings and designs, above all, to the taste and demands of Soviet power? What scope of research seems to be the most promising: from the general history of Soviet architecture to the microhistory of specific phenomena? What issues do the interviewees focus on in their research: the history of professional institutions, the works of individual architects, the history of architectural form, ideas, theory, schools, design techniques, center-periphery relations, etc.? In their opinion, what types of research are still missing?

Keywords: history of Soviet architecture, architectural historiography, Soviet Constructivism, Soviet modernism, architecture of the Stalin period, Stalinist Neoclassicism, history of architectural institutions, architectural design history

To cite this article: Maciel Sánchez, L. C., Starostenko, Yu. D., Malich, K. A., Nevzgodin, I. V., Vassiliev, N. Yu., Selivanova, A. N., Dudnev, A. S., & Gudkov, K. M. (2025). The history of Soviet architecture from a hundred-year distance: Some notes on the current state of research (V. G. Bass, Interview, Notes). *Shagi / Steps*, 11(2), 262–292. EDN: YNGDDW. (In Russian).

Received January 19, 2025; accepted April 2, 2025

«Книги, пятьдесят лет тому назад умещавшиеся на одной библиотечной полке, теперь могли бы заполнить целый зал» — эта формула Виолле-ле-Дюка, описывающая состояние архитектурной библиографии в середине XIX в., отлично подходит для разговора про современное положение дел с изучением архитектуры первых нескольких десятилетий советской эпохи. Сегодня в распоряжении профессиональных историков и «широкой публики» — обширный корпус свежих публикаций, от солидных, построенных на архивном материале научных монографий до туристических путеводителей. Выставки, посвященные советской архитектуре и ее главным фигурам, сменяют одна другую. Интернет-ресурсы полны популярных лекций про авангард, «сталинскую архитектуру», а в последние годы — и про зодчество 1950-х — конца 1980-х, легкомысленно помещенное под зонтик «советского модернизма». Что отличает эту волну интереса от предыдущих — будь то первые опыты реабилитации и изучения советского конструктивизма, предпринятые С. О. Хан-Магомедовым, В. Э. Хазановой и их коллегами, или работы в перспективе истории «тоталитарной архитектуры», — идеалом и наиболее влиятельным образцом которых стала «Культура Два» Владимира Паперного? Предлагают ли новые исследования фундаментальную ревизию истории советской архитектуры — или речь идет об «экстенсивном развитии», об углублении, о постепенном и планомерном накоплении знаний с опорой на новые архивы? Нашими собеседниками в разговоре об этих вопросах стали ведущие специалисты — авторы книг и статей, кураторы выставок и

создатели просветительских, научно-популярных проектов, сотрудники музеев и университетские преподаватели. Участие в серии коротких интервью приняли:

Лев Масиель Санчес — историк архитектуры, автор книг «Купола, дворцы, ДК. История и смыслы архитектуры России» (М., 2024), «Архитектура Сибири XVIII века» (М., 2017) и др., ранее доцент программы по истории искусств Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва);

Юлия Старостенко — ученый секретарь Музея архитектуры им. А. В. Щусева, исследователь, автор публикаций по истории советской архитектуры и градостроительства 1920–1930-х годов;

Ксения Малич — автор монографий, посвященных Николаю Митуричу (СПб., 2020) и советско-британским архитектурным связям (М., 2024), куратор выставок в Эрмитаже, руководитель и преподаватель искусствоведческой магистратуры в Школе дизайна НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург);

Иван Невзгодин — ассистирующий профессор Делфтского технического университета (Нидерланды), автор монографий об архитектуре Новосибирска 1920–1930-х и 1930–1950-х годов, публикаций о советско-нидерландских архитектурных связях;

Николай Васильев — координатор проекта «МосКонструкт», генеральный секретарь организации DOCOMOMO Россия¹, автор книг, посвященных архитектуре авангарда (М., 2011), строительству Москвы конца XIX в. — первой половины 1930-х (М., 2019), дому Наркомфина (М., 2024) (все совместно с Е. Б. Овсянниковой) и других публикаций, преподает в Институте им. Сурикова и Московском государственном строительном университете;

Александра Селиванова — куратор выставок в Центре авангарда на Шаболовке (Москва), Еврейском музее и центре толерантности, Московском музее современного искусства, Музее Москвы, сокуратор постоянной экспозиции Музея Москвы, автор монографии «Постконструктивизм: Власть и архитектура в 1930-е годы в СССР» (М., 2019), автор ряда книг серии «Незамеченный авангард», научный сотрудник Университета Баухаус (Веймар);

Александр Дуднев и Константин Гудков — историки, исследователи советского архитектурного авангарда, авторы телеграм-канала 1931.center, преподают в Московской высшей школе социальных и экономических наук (Шанинка).

¹ DOCOMOMO — Международная рабочая группа по документации и консервации зданий, достопримечательных мест и объектов градостроительства современного движения.

Интервью со Львом Масиелем Санчесом

В. Б.: Лев, добрый день! Скажите, пожалуйста, есть ли в исследованиях последнего десятилетия какая-то новая рамка, что-то, чего не было раньше?

Л. С.: Есть два момента подчеркнуто и заслуженно важные. Во-первых, это история взаимоотношений заказчика и исполнителя, потому что рамка советского коллективного заказа и отчасти коллективного исполнения — очень особенная. Она имеет не очень много прецедентов в мировом контексте. Трудность в том, что даже через архивы ты это улавливаешь косвенным образом. Мемуарами это почти не зафиксировано, информация выуживается через какие-то интервью, через журналы заседаний. Это сейчас ловят по крупницам, особенно те, кто занимается архивной работой. Это первое, что очень важно, эти сведения по чуть-чуть начинают публиковаться. И второе — мне кажется, стали больше писать о роли образования, институтов. Я вижу это не как ревизию, а как крайне полезное дополнение, еще один важный фундамент исследований. Зная историю советской жизни, культурной деятельности в СССР, ты можешь это знание из других сфер экстраполировать на архитектуру и строить предположения, но сейчас историки стараются найти максимум достоверных архивных сведений. Я бы подчеркнул эти два момента.

В. Б.: После огромного труда по созданию целостной истории русской архитектуры у вас не возникло ощущения, что в 1930–1950-е советский архитектор — какое-то чуть особенное существо? Не так давно вышла замечательная книга Николая Молока про Давида Аркина и про борьбу с космополитизмом², и там одни и те же люди то живут нормальной профессиональной жизнью, то начинают нести бред, придуриваться, травить друг друга и так далее. То есть можно ли «советское» анализировать теми же инструментами, с которыми подходят к французской архитектуре этого периода, американской, даже архитектуре муссолиниевской Италии? Нет ли здесь чего-то специального — [того], что, условно говоря, не понимаешь, если у тебя нет этого социального опыта?

Л. С.: Безусловно, этот опыт особенный, но трудно сказать, насколько. Я не до конца себе представляю, как работали архитекторы при Муссолини, например. Думаю, там тоже были свои — безусловно, меньшие — опасения. В СССР, конечно, страх был главным инструментом. Та самая самоцензура. Очень хорошо про это написала Александра Селиванова³ — как все само, словно облако, формируется внутри профессионального сообщества. Тем более что власть к этому и стремится. Нет понимания, чего она на самом деле хочет, но, так сказать, припугивает, чтобы архитекторы сами организовались.

В. Б.: Как историку, который, с одной стороны, входит в детали, а с другой — держит в голове большие процессы, — какой уровень обобщения, какая дистанция кажется вам наиболее подходящей?

² См. рецензию на книгу в этом номере журнала.

³ Книга А. Н. Селивановой «Постконструктивизм: Власть и архитектура в 1930-е годы в СССР» (2019).

Л. С.: Мне были бы интересны самые разные примеры.

Было бы очень интересно увидеть книгу, в которой напишут от начала до конца историю одного архитектора в повседневной жизни. Есть великолепная книжка Олега Хлевнюка про Сталина⁴, построенная на анализе официальных записей заседаний. Что-то подобное было бы очень полезно в истории архитектуры — это сразу даст лучшее понимание, как соотносились архитектор и институции.

Я всегда вспоминаю исследования архитектуры монашеских орденов [эпохи] барокко. Это примерно как наши министерства: вроде бы система общая, но есть какая-то специфика заказа. Ордена друг у друга перетягивают мастеров, соревнуются, каждому надо больше привлечь к себе внимание верующих. Было бы любопытно, чтобы появилось такое же исследование на материале министерств. Посмотреть, каждое ли из них выстраивает свою структуру заказа. Скажем, есть две или три мастерские: им задаются некоторые параметры сходства, или же они просто сами повторяют то главное, что уже было построено для этого министерства? Было бы интересно увидеть, стоит ли за этим институциональным единством хоть какое-то стилистическое сходство. Сколько, условно, там авторского почерка, а сколько какого-то общего, скажем, стиля министерства.

При всей ограниченности в сюжетах, которые присутствуют в советской архитектуре, там всегда есть попытки реализоваться, обрести собственный язык. В этом смысле для меня советские архитекторы — все-таки в первую очередь архитекторы. И потом, очень сильных формальных ограничений там нет. Для архитектора та же неоклассика — огромное поле для экспериментов с формой. Особенно это видно на примере окраинных территорий. Я буквально подряд просматривал архитектуру Кавказа и Центральной Азии. Там, конечно, огромное разнообразие. Когда доходит до того, как ты лепишь руками, появляются самые причудливые вещи. Видно, что есть где разгуляться.

Помимо истории институций и личных биографий архитекторов, мне было бы, конечно, интересно увидеть историю советского ордера. Может быть, я сам когда-нибудь ее напишу, но это очень большая работа — все подробно собрать. Своя специфика, свои нюансы есть в Москве, в Ленинграде, а как только выходишь за эти рамки, все становится менее строго.

В. Б.: Есть один послевоенный эпизод, про который я давно допытываюсь у коллег — и ни в архивных материалах, ни от кого пока не получил убедительного ответа. Это история с цитатами из итальянского XVI (и не только) века в работах ленинградских архитекторов конца 1940-х — начала 1950-х. Такое есть и в Москве — можно вспомнить огромный эмгэбэшный⁵ дом Евгения Рыбицкого на улице Чкалова. Но в Ленинграде это смотрится очень демонстративно — прямые отсылки то к Микеландже-

⁴ Книга О. В. Хлевнюка «Сталин. Жизнь одного вождя» (2015).

⁵ Имеется в виду дом сотрудников Министерства государственной безопасности СССР (МГБ), построенный во второй половине 1940-х годов на Чкаловской улице / улице Чкалова (с 1990 г. — Земляной Вал). — *Примеч. ред.*

ло, то к Сангалло Младшему, то к Перуцци на фоне самого густопсового патристического разгула, когда те же архитекторы на всех обсуждениях говорят: «Наша архитектура основана исключительно на бессмертных образцах русского классицизма».

Л. С.: Я себе это представляю, как в фильме «Хрусталева, машину!» — когда атмосфера становится такой невыносимой, что передать ее может образ рушащегося здания, который есть, например, у Джулио Романо в Палаццо дель Те — где все как бы разваливается. В Петербурге была еще обширная традиция 1910-х годов, традиция использования форм в сходной, такой же тяжелой атмосфере. Я думаю, это очень во многом может быть несознательно. Это желание тяжелых и каких-то пугающих форм — просто трансляция ощущения совершенно жуткого времени.

В. Б.: Но как устроен этот механизм воплощения «воздуха», атмосферы эпохи в зданиях? Такие вещи делаются в ужасе, в помраченном состоянии, или же вполне сознательно, или, наконец, просто «на отвали», чтобы не вязались?

Л. С.: Я скорее за последнее объяснение — чтобы не вязались. Ты все равно не понимаешь, что делать, так почему не повеселиться? Но ты не можешь повеселиться на языке русского ампира: не выйдет. Вот архитекторы в русский ампир или в Кваренги и вставляют Джулио Романо. Когда я вижу шусевский театр в Ташкенте, возникает ощущение, что пришли времена, когда уже все равно — можно слепить Грузию с Арменией и Румынией и назвать это Средней Азией, можно все!

В. Б.: Спасибо!

Интервью с Юлией Старостенко

В. Б.: Здравствуйте, Юлия, скажите, пожалуйста, есть ли какая-то особенность в современной волне исследований советской архитектуры?

Ю. С.: Речь идет о том, чтобы предложить качественно новое видение, но не через создание какой-то новой концептуальной истории, а путем погружения, путем уточнения сюжетов. Много внимания уделяется тем сюжетам и проблематике, которые раньше не рассматривались. Идет детализация исследований, расширяется круг источников. Сейчас мы активнее используем периодику. Это не только «Архитектура СССР», «Строительство Москвы», но и «Архитектурная газета», и общеполитические газеты. И плюс, конечно, идет очень заметное расширение архивной базы. Если на заре исследований специалисты пользовались преимущественно фондом Союза архитекторов в РГАЛИ, то сейчас мы осваиваем ГАРФ, РГАЭ и многие другие хранилища, ищем в не самых очевидных фондах. Отчасти это связано с тем, что появился электронный поиск. Это тоже важная вещь, которая сильно изменила исследования. Плюс, например, Яндекс недавно представил весьма неплохо распознанный полный архив «Вечерней Москвы». Там находятся какие-то вещи, которые раньше не приходило бы в голову там искать, потому что надо было пойти в библиотеку и пролистать всю «Вечернюю Москву». А сейчас поиском какие-то вещи

находятся, это благо. Методологически это не совсем правильно, потому что все-таки подшивки надо смотреть сплошняком. Но какие-то моменты уточнять стало проще.

В. Б.: А вам как историку, как исследователю этого периода какой масштаб исследований интереснее всего? В диапазоне от микросюжета (один дом, один конкурс, один важный эпизод из жизни конкретного архитектора) до, условно, нескольких десятилетий градостроительного развития Москвы?

Ю. С.: Мне скорее интересно «гулять» туда-сюда. Есть случаи, когда я беру проблему широко, и есть, когда точно. Как показал опыт большого точечного исследования, которое я завершила в начале 2024 года (надеюсь, что оно все-таки дойдет до аудитории), это сложнее, чем что-то обзорное. Когда у тебя одно здание с богатой историей, вокруг него можно говорить и о том, и о другом, и о третьем. И это сложно, получается гигантский массив разнохарактерной информации, с которым надо как-то совладать.

Приведу другой пример: недавно у меня вышла статья про идею сдвинуть здание Государственного музея изобразительных искусств к Гоголевскому бульвару, чтобы освободить место для площади Дворца Советов. Сюжет совсем маленький, но он разворачивается в большую историю о том, как перемещали здания в Москве. Такие переключения, как мне кажется, дают качественно новое знание. Ты остаешься на земле, на твердом фактологическом знании, и не «улетаешь в космос» на обобщениях. Потому что любое обобщение — это огрубление. Когда ты работаешь с точечными сюжетами, то понимаешь, как там все сложно устроено. И когда возвращаешься к большим материям, то не так вольно все интерпретируешь.

В. Б.: Вопрос про соотношение отечественного и мирового контекста. Вы эксперт, вы знаете своих героев, свои сюжеты с точностью до дня, до документа, до черновика и так далее. Если говорить про 1930–1950-е, каково ваше ощущение? Архитектор в СССР — это совсем специфический тип профессионала? Или это нормальные мировые архитекторы, которые помещены в особые политические координаты, но мало чем отличаются от своих современников по разные стороны разных границ?

Ю. С.: Это вопрос сложный. Года два назад я занималась одним маленьким сюжетом — съездом по планировке городов, который должен был пройти в 1931 году. Он не состоялся, но вместо него было проведено несколько докладов в Политехническом музее. В них принимали участие и Лев Ильин, и Сергей Чернышев, и многие другие. Ты читаешь стенограммы и понимаешь, что в зале сидит Курт Майер, а Эрнст Май делает доклад, что советские архитекторы в это время прекрасно знают международный контекст. Они в курсе того, что еще только-только придумано на Западе. В разные периоды была разная степень включенности советских архитекторов в мировой контекст. 1920-е, начало 1930-х — это, безусловно, общий процесс. Я этот общий процесс фиксирую года до 1938–1939-го. Потом отечественная архитектура начинает изолироваться. Во время Великой Отечественной войны эта изоляция на некоторое время исчезла.

А потом начинается период, который у нас по большому счету еще очень плохо изучен и не осмыслен. Это поздние 1940-е, ранние 1950-е, когда советская архитектура в значительной степени была заиклена сама на себя. И вот тут говорить о том, что советские архитекторы — звезды мировой величины, не получится. Но в те моменты, когда процессы в отечественной архитектуре были близки общемировым, я считаю — да, с советскими архитекторами общались на равных, коллеги их признавали за равных. Это видно и по переписке, которую мы знаем, и, например, по отзывам участников XIII конгресса в Риме в 1935 году. Их принимали там как равных. Мне кажется, это важный критерий. Потому что одно дело смотреть из исторической перспективы, но важно представлять, как это воспринималось тогда. Но в период примерно с 1947 года по 1954-й, 1955-й советские архитекторы из общемировых процессов были исключены, они знали о новейших тенденциях, но следовать им не могли (по воспоминаниям современников, контакты были преимущественно со странами Восточной Европы).

В. Б.: А каких исследований на этом материале, на ваш взгляд, не хватает?

Ю. С.: Когда речь идет про советскую архитектуру, очень часто история проектирования того или иного объекта ограничивается указанием на то, что его спроектировал какой-то конкретный архитектор или какая-нибудь большая контора, мастерская. При этом нам не хватает понимания того, как это все работало. Как распределялись заказы, как все эти проектные конторы действовали, кто в них работал. Важно понимать, как все было организовано, потому что книга И. А. Казуся «Советская архитектура 1920-х годов. Организация проектирования» заканчивается 1932—1933 годом. А как дальше все эти тресты, строительные конторы реорганизовывались, совершенно непонятно. Я это пытаюсь проследить на материалах Москвы. И получается совсем не та картина, которую мы знаем. Например, прототипы крупных проектных контор с рядом мастерских, которыми стали в дальнейшем Моспроекты, появились еще в ходе реформы проектного дела в мае 1941 года. Очень не хватает понимания того, что архитектор работает не сам по себе, он всегда в коллективе. Что это были за коллективы, как они работали? Архитектор проектирует по техническому заданию, в соответствии с какими-то установками, а не творит здание абсолютно из головы. Не хватает, как мне кажется, понимания профессии изнутри. То есть нужно смотреть не только на фасады, а на то, как организовано проектирование, как это влияло на результат. Потому что уже в 1930-е годы вовсю работали крупные проектные институты, весьма далекие от индивидуальных мастерских архитекторов начала XX века. Результатом были многочисленные споры об авторских правах и тому подобных вещах. Совершенно неисследованным явлением остается институт референтов, которые писали заключения на проекты. Ты читаешь документы, и в ряде случаев оказывается, что референт сказал убрать все балконы или, наоборот, добавить балконы. То есть выясняется, что эти «технические» специалисты играли заметную роль в формировании архи-

тектуры. Мне кажется, не хватает исследований — не через телескопы, а через микроскоп. Надо идти в глубину, в лучшее понимание исследуемого — после этого мы сможем качественно по-иному расширять масштаб.

В наследие нам досталось представление, что в советской плановой экономике, при централизованной системе управления все было устроено одинаково. В реальности везде все было очень по-разному, варьировалось от города к городу, от конторы к конторе. Нужно это различие, понимание того, что даже какие-то центральные вещи считывались и внедрялись на местах по-разному. Нужно несколько дифференциаций. Например, есть вопрос про политическую составляющую, про власть. Меня очень смущает попытка свести все к какой-то абстрактной фигуре власти — это множество людей, которые принимают решения, влияют на них. Например, выясняется, что технические задания для соцгородов писались в Госплане усилиями экономистов, многие из которых потом не пережили 1930-е. Исходя из чего они эти задания придумывали? Это не сверху поступило указание «мы строим коммуны», это придумали экономисты, исходя из своих расчетов. В том числе потребительских — как будет завозиться еда и промтовары, сколько людей можно будет разово этими [товарами] обеспечить и тому подобное. То есть с точки зрения историка архитектуры это совершенно не архитектурный материал, но без него сложно разобраться в чисто архитектурных аспектах. И да, «власть» решила строить новые города, но ТЗ писали не в кабинетах Политбюро. Поэтому нужно более детальное, глубокое понимание, как все это работало, иногда — уход в совершенно смежные зоны.

В. Б.: Спасибо!

Интервью с Ксенией Малич

В. Б.: Ксения, скажите, пожалуйста, есть ли, на ваш взгляд, что-то специальное, какая-то особенная перспектива в последних исследованиях советской архитектуры?

К. М.: Это период, который по-прежнему болезненно воспринимается. Причем это не только отечественная особенность, но, безусловно, в целом специфика всего западного искусствоведения, историографии всей европейской архитектуры. Потому что Интербеллум — это время сложных вопросов, которые не решены в судьбах европейских государств до сих пор. И тем более это касается отечественной историографии. Архитектуру периода между Первой и Второй мировыми войнами никак невозможно оторвать и поместить исключительно в область истории искусств, не затрагивая вопросы, связанные с развитием страны и мира в первой половине XX века. Это накладывает отпечаток на историографию, поскольку от того, какую позицию занимает исследователь в отношении болезненных моментов, связанных с историей в целом, зависит то, как он рассматривает историю архитектуры.

Второй момент — это тренд, может быть, не самый новый, но он все больше развивается, и это мне близко. Историю архитектуры сейчас рас-

сказывают не столько при помощи инструментов формального классического искусствоведения, не «по Вельфлину», а как историю судеб архитекторов, историю отдельных будничных сюжетов с максимальным привлечением культурологического материала. Архитектура — масштабная практика, суммирующая не только какие-то эстетические обстоятельства, стилистические тенденции, но и чаяния эпохи, общие культурологические процессы. История повседневности и история культуры очень помогают более объективно (как, наверное, любой искусствовед надеется) взглянуть на сюжет, который лежит в области научных интересов.

Как писал Карло Гинзбург в контексте рассказа про Пьеро делла Франческа⁶, микроисторический метод позволяет делать более качественные обобщения. Я бы, безусловно, распространила это и на историю архитектуры. Вопрос о качественных обобщениях тоже очень важен. Тем более что в контексте истории 1930–1950-х годов любое обобщение может быть очень травматичным и исказить картину. А когда мы начинаем погружаться в нюансы, то понимаем, что существует масса диалектов архитектуры, которые нельзя игнорировать. Наследие XX века доступно в намного большем количестве сюжетов, нежели история предшествующих эпох. Количество источников огромно, объем архивных данных огромен, средства массовой информации интенсивно развивались. Сколько воспоминаний, сколько дневников, сколько документальной хроники, фотографии... Это все наследие, которое требует анализа.

В. Б.: А что этот новый уровень работы с источниками, с архивами дает для понимания архитектуры, для понимания, скажем, связи больших политических процессов и конкретной архитектурной продукции?

К. М.: Чем больше ты погружаешься в материал, тем сложнее все оказывается. И в сюжете с англо-советскими связями я скорее получила на выходе больше вопросов, чем ответов. Безусловно, какие-то общие банальные вещи — что политика и архитектура связаны — подтвердились благодаря анализу источников, архивных материалов. Но с тем, как эта связь работает, все как раз совсем не так очевидно, как кажется. И иногда глобальные процессы в нюансах, в точечных эпизодах истории архитектуры могут проявлять себя совершенно по-разному. Здесь все зависит от того, какой конкретно человек перед тобой, с кем он общался, какая у него судьба. И это как раз самое интересное в истории архитектуры.

В. Б.: А на это еще накладываются все неравномерности и различия — географические, хронологические, школьные и так далее?

К. М.: Да, плюс если посмотреть, например, на предвоенную политическую ситуацию, там тоже каждый месяц все меняется. Есть общие тенденции, но при этом все время менялись маршруты, в том числе культурной дипломатии. Архитектура не может реагировать так же оперативно, как меняется политика в сложные кульминационные моменты истории, когда события происходят очень быстро, меняются курсы, быстро заклю-

⁶ Книга К. Гинзбурга «Indagini su Piero: il Battesimo, il ciclo di Arezzo, la Flagellazione di Urbino» (1981; в рус. пер. М. Велижева — «Загадка Пьеро: Пьеро делла Франческа», 2019).

чаются соглашения, быстро разрываются какие-то связи, потом снова возвращаются.

В. Б.: Насколько с точки зрения историка, который досконально знает английскую архитектуру, продукция советских зодчих есть часть общемирового процесса, или это все-таки вещь в себе? Насколько она, скажем так, не провинциальна?

К. М.: В рамках архитектурной профессии соединяется несколько разных практик. Есть, например, реставрация. И здесь, безусловно, советская архитектура не стояла на периферии, а представляла в какой-то момент лучшую школу научной реставрации. Это касается не только послевоенного восстановления, но и 1920–1930-х годов. Первое, чему поражались иностранцы, приезжавшие в тот же Ленинград, — в каком состоянии находятся именно памятники XVIII, например, века. Того же неоклассицизма, который англичан очень интересовал, потому что это их родное, близкое, понятное. И в принципе русский неоклассицизм XVIII века был мирового уровня, и их поражали аутентичность, сохранность и качество именно научной реставрации. Что касается стилистических тенденций, в конце 1920-х, в начале 1930-х годов советская архитектура им казалась слишком авангардной. А когда послевоенная Западная Европа взяла курс на индустриализацию, интернациональный стиль стал основным для решения прагматических задач, и то, на что ориентировалась советская школа с ее «освоением наследия», казалось не только эстетически неактуальным, но и очень дорогим. Непонятно было, зачем тратить деньги на лепнину, гипс, колонны, паркетные полы, высокие потолки. Англичане в 1950-е годы приезжали и говорили: «Зачем вам потолок три метра»? Но, слава богу, наши архитекторы их не послушали.

В. Б.: А как воспринимались качество исполнения и уровень работы с исторической формой?

К. М.: Сами советские архитекторы жаловались, что качество отделочных работ, качество производимого кирпича, все, что касается именно технологии и ремесла, находится не на очень высоком уровне. И связано это с объемами, со спецификой организации строительной индустрии в рамках огромного государства с плановой экономикой. А на этапах проектирования, до начала стройки, все оставалось совершенно первоклассным. И когда иностранные архитекторы приходили в мастерские, они отдавали должное и уровню графической культуры, и совершенно невероятному качеству подачи проекта. Уже никто так давно не рисовал и не учил этому в той же Британии. И некоторые технические разработки были вполне на мировом уровне. Но когда дело доходило до практики, это все применялось очень редко. В случае с массовым строительством не применялось (я говорю именно о периоде до начала «борьбы с излишествами») — не позволяла организация строительного процесса. Это, конечно, отражалось на внешнем облике зданий и на отделке. Иностранцы отмечают, что качество здесь в разы хуже, чем у тех же самых британских домов. Но мы должны понимать, что в Великобритании речь идет о коли-

честве домов в разы меньшем, чем строилось в Советском Союзе. У них тоже стояла задача восстановить страну, решить жилищную проблему, но это, конечно, несопоставимые цифры.

В. Б.: Но если говорить про «штучные» вещи? Есть, условно, лондонские постройки Латченса, а есть Тверская в исполнении московских архитекторов с неограниченными ресурсами. Как они между собой соотносятся?

К. М.: Безусловно, когда речь идет о показательном, не типовом строительстве, качество в разы выше. Были архитекторы, которые максимально тратили свои силы на то, чтобы уровень ремесленного воплощения их проектов соответствовал замыслу. Тот же Борис Иофан, например. Что касается формального, художественного качества, ответ неизбежно будет субъективным. Скажем, у мастерской Фомина, мне кажется, качество формы остается на уровне. Если говорить о других именах, наверное, хромает. Хотя, например, ленинградская неоклассика 1930-х годов очень крепкая. Она не хуже французских образцов, на которые часто ориентировались наши архитекторы, пролистывая журналы. Но это, наверное, задел еще дореволюционный. Мне кажется, что все, кто заканчивал петербургскую еще Академию художеств, редко позволяли себе откровенную халтуру. Все-таки это была очень серьезная школа. И есть очень много хорошей неоклассической архитектуры, например, московской, которая не уходит в какую-то эклектику, остается архитектурой с большой буквы. Очень часто ее авторы — именно выпускники Академии художеств.

В. Б.: А каких исследований сейчас не хватает?

К. М.: Например, исследований, посвященных градостроительству, тому, как были организованы мастерские. Это то, чем занимается Юлия Старостенко. Не хватает системных знаний о том, как в принципе была организована эта область деятельности, как работал Союз архитекторов, как распределялись заказы, как были организованы мастерские. Кстати, когда приезжали иностранцы, они задавали ровно те же вопросы: как вы распределяете заказы? Сколько процентов женщин работает? Есть ли какая-то специализация — вот эта мастерская жилье делает, а та — кинотеатры? Они это пытались сопоставить с частной практикой. Надо сказать, что примеры советского градостроительства, тот же самый план Москвы, были очень хорошо известны за рубежом. Специфика западно-европейской практики, частная собственность не позволяли воплощать грандиозные замыслы, подобные тем, что планировались в СССР. Но при этом после войны, когда экономика европейских стран была еще милитаризована и централизована, ряд вопросов, связанных с реконструкцией городов и строительством новых районов, сознательно не был полностью отдан на откуп частным застройщикам. И некоторые крупные идеи, безусловно, были отчасти вдохновлены работами советских архитекторов.

В. Б.: Спасибо!

Интервью с Иваном Невзгодиным

В. Б.: Здравствуйте, Иван, скажите, пожалуйста, как бы вы охарактеризовали нынешний этап исследований советской архитектуры?

И. Н.: Надо сразу сказать, что существуют все-таки до сих пор две традиции изучения советской архитектуры — отечественная и зарубежная, то, что делали Анатолий Копп и Жан-Луи Коэн во Франции, Кэтрин Кук и дальше Ричард Андерсон в Великобритании, американцы, немцы — Христиан Шадлих, Христиан Борнграбер, Христиане Пост и Харальд Боденшатц. Там существует даже несколько разных школ. Очень интересно, что в последние двадцать лет как раз возникла возможность более активно читать и следить за публикациями разных исследователей из разных стран. И это, с моей точки зрения, очень полезное занятие. Достаточно посмотреть на типологическое изучение советской архитектуры. Ирина Чепкунова из музея Шусева пишет книгу про клубы, потом Христиане Пост защищает диссертацию про клубы, и есть классические труды Вигдарины Эфраимовны Хазановой о клубах же. И еще Дитрих Шмидт написал диссертацию о советских клубах. И так получается интересный расклад исследовательских перспектив. Возникли различные школы интерпретации, плюс все-таки долгое время существовал языковой барьер, когда, например, историки итальянской школы, тот же Марко де Микелис, Алессандро де Магистрис или Маурицио Мериджи, писали по-итальянски. Некоторые это читали, но все-таки, конечно, английский, французский, немецкий были основными языками. А сейчас замечательная, очень интересная школа появилась в Испании, они активно публикуют исследования о советском авангарде, устраивают выставки. Помимо того, что фокус с Петербурга и Москвы в России сдвинулся на регионы, например на Екатеринбург, Ростов-на-Дону, Самару, существует междunarодный контекст. И самое главное, с моей точки зрения, вот что: когда я начал заниматься историей советской архитектуры, очень сильно не хватало определенности в историческом контексте. История советской культуры 1920–1930-х годов была тоже фрагментарной, на многие вещи нельзя было опереться. И также существовала западная точка зрения на советскую историю. А затем пошли новые исследования.

Я защитил в 2002 году диссертацию про российско-нидерландские архитектурные связи первой трети XX века в Урало-Сибирском регионе. И Владимир Львович Хайт, когда я ему назвал тему, был удивлен, потому что думал, что на эту тему можно одну статью написать, а не кандидатскую диссертацию. В этом отношении я, конечно, был и учеником Ирины Владимировны Коккиной, которая с 1970-х годов под руководством Селима Омаровича Хан-Магомедова занималась как раз международными связями советской архитектуры. Сегодня изучение связей 1920–1930-х годов — перспективное направление исследований, возникает замечательная возможность сравнить документы, которые хранятся в архивах за рубежом и в России. И еще, конечно, исследовать частные архивы, потому что многое как раз сохранилось у родственников участников тех событий.

А в Голландии я писал диссертацию «The Impact of the Modern Movement in Western Siberia»⁷. Там есть несколько интересных тем. Одна тема — это социалистический город, концепция строительства нового города на Урале и в Сибири. Другая — участие иностранцев, там работали американские архитекторы, голландские. И, конечно, очень важен социально-политический контекст — коллективизация, индустриализация. В этой истории были очень интересные эпизоды. Например, в 1950-е годы про жилье в Советском Союзе написал в Америке книжку Тимоти Сосновый. Он, по всей видимости, работал в структурах Госплана, а во время войны оказался в конце концов в Америке. И на самом деле он был единственным исследователем, который в 1950-е годы опубликовал достаточно точную, правдивую информацию с правильной статистикой о состоянии и жилищного строительства в СССР, и промышленного.

В. Б.: Иван, следующий вопрос обусловлен тем, что вы, с одной стороны, исчерпывающе представляете себе русскоязычную историографию, а с другой — знаете, как все устроено в мировом контексте исследований советской архитектуры. На ваш взгляд, какой масштаб и какая перспектива сегодня наиболее продуктивны?

И. Н.: Это достаточно сложный вопрос. Существует традиционное разделение исследователей на архитекторов и искусствоведов, историков искусства. Скажем, Селим Омарович Хан-Магомедов был именно архитектором. Я, конечно, изучаю историю всегда с целью научиться чему-то, понять принципы и методы архитекторов и подчеркнуть, какое это может иметь значение для современной архитектурной практики. В этом отношении важно то, как предлагал трактовать советский модернизм Хан-Магомедов: эти замечательные художественные достижения, эти эксперименты имеют до сих пор значение для современной архитектуры. Думаю, что для моих голландских студентов, для международных студентов это наиболее понятная вещь.

В. Б.: А насколько для них актуален политический контекст этой архитектуры, и считается ли он?

И. Н.: Когда читаешь документы, например выступления архитекторов, иногда самому очень трудно понять, действительно ли они так думают или это чисто официозные высказывания. Например, у меня преподавателем проектирования была Ксения Николаевна Кузьмина, дочь Николая Сергеевича Кузьмина, знаменитого конструктивиста. И благодаря ей мы знаем, что Николай Сергеевич действительно верил в то, что будет новый человек, верил в коммунизм. Нам очень сложно представить, как это все воспринималось тогда.

Но, с другой стороны, я открыл для себя, что в Сибири была очень интересная особенность: в Новосибирске — и в Екатеринбурге (Свердловске), и в Челябинске — большую роль в продвижении современной архитектуры играли чекисты. Там было «прогрессивное» чекистское началь-

⁷ «Влияние современного движения на архитектуру Западной Сибири» (англ.).

ство, которое строило для себя в современной архитектуре. Потом волна сталинских репрессий смела это «прогрессивное чекистское начальство», и поэтому об этом дальше никто не писал. В Новосибирске я нашел в архиве альбом: поздравляют с юбилеем главного чекиста, и ему проектная контора ОГПУ делает альбом с проектами. То есть у них было вполне прогрессивное представление об архитектуре.

Что до современных голландских студентов, у нас тоже есть традиция работы с этим материалом. Еще в 1970-е годы перевели на голландский язык многие статьи из журнала «Современная архитектура». Их особенно интересовали как раз ячейки Стройкома, то есть эксперименты Гинзбурга с жильем. И до сих пор в Голландии типологическое изучение минимальной жилой ячейки, проектирование социального жилья основано как раз на тех исследованиях, которые проводил Гинзбург в Стройкоме. Эти вещи до сих пор актуальны и интересны, те же квартиры типа F. И до сих пор, помимо того, что я сам преподаю, здесь знают и используют этот метод.

В. Б.: Иван, скажите, пожалуйста, а как ваши коллеги и студенты смотрят на советскую архитектуру более позднего периода, 1930—1950-х? Для них это что-то локально советское и необъяснимое вне координат советской профессиональной культуры, политики и так далее, или это все-таки часть мирового контекста?

И. Н.: У нас есть такое понятие, как делфтская школа. Это как раз была реакция уже с конца 1920-х и все 1930-е, 1940-е годы против модернистов. Знаменитый профессор Маринус Ян Гранпре-Мольер пытался возродить голландскую традиционную архитектуру и очень активно боролся с модернистами. У него был достаточно большой авторитет, и он по всей стране «двигал» своих учеников, которые как раз говорили, что основной строительный материал — это не железобетон и не стекло, а кирпич, голландский традиционный кирпич. После 1960—1970-х годов к делфтской школе относились с подозрением, но теперь ее тоже активно изучают. В этом отношении сейчас плюрализм полный — есть очень много заказчиков, есть архитекторы, которые ориентируются опять на Палладио и на голландский неоклассицизм и даже на маньеризм. Из советской архитектуры для голландцев интерес представляют ансамбли. Сталинские высотки в Москве и архитектура советского метро тоже пользуются известной популярностью.

В. Б.: Скажите, пожалуйста, какого толка исследований сейчас не хватает применительно к советской архитектуре? В какую сторону имеет смысл двигаться вашим, так сказать, младшим коллегам?

И. Н.: Очень интересное направление, которое сейчас прервалось (потому что им занимался покойный Юрий Павлович Волчок), — это изучение строительной индустрии и конструкций того времени. Многие здания необходимо реставрировать, и для хорошей, качественной реставрации нужны данные. В Берлине Анке Заливако занималась советскими конструкциями 1920—1930-х. Я думаю, что это до сих пор очень мало исследованная и общественно значимая тема. И, с другой стороны, сейчас

возникло большое краеведческое движение. Есть очень много энтузиастов краеведения и изучения регионов России. И поэтому теперь можно переписать историю советской архитектуры с учетом более значительного вклада регионов. Серьезного переосмысления советского градостроительства после книг Вигдари Эфраимовны Хазановой все-таки пока не произошло. А хорошо бы взять и благодаря неимоверному количеству новых фактов и новой информации по-новому написать картину того, как все развивалось. Тут есть очень много интересных возможностей для молодых исследователей.

В. Б.: Спасибо!

Интервью с Николаем Васильевым

В. Б.: Николай, здравствуйте. Скажите, пожалуйста, как бы вы определили нынешнее состояние дел с изучением советской архитектуры середины века? Можно ли говорить о ревизии исследований предыдущей эпохи?

Н. В.: На мой взгляд, происходит скорее углубление, потому что основные «реперные точки» были заданы уже давно, еще полвека назад. Но по понятным причинам у историков архитектуры, которые занимались, например, авангардной проблематикой в 1960-е, 1970-е (Анатолия Анатольевича Стригалёва, Селима Омаровича Хан-Магомедова и других), не было еще исторической дистанции. Они кого-то застали в живых, в 1960-е годы еще много с кем можно было поговорить, у архитекторов старшего поколения напрямую учились, передавали знания из рук в руки. Но исторической дистанции не было. И эти исследователи задали очень неравномерную картину, в которой есть области хорошо разработанные, а есть совершенно непаханные. Поскольку историков было ограниченное количество и тот, кто занимался методологией проектирования, вообще не изучал, например, практику строительства. А сейчас есть возможность больше ездить, больше фиксировать, смотреть на практику. Больше народа на местах этим занимается. Поэтому сейчас идет движение вглубь.

Что касается ревизии, «ревизионизм» — термин оценочный. Но действительно происходит некоторая переоценка тех идей, которые были высказаны в первые постсоветские годы. В конце перестройки, в 1990-е годы, появились очень, я бы сказал, плакатные заявления на тему того, как мы должны относиться к советскому наследию. Сейчас прошло еще двадцать пять лет, и мы понимаем, что смотреть надо заново и более трезво. Потому что тогда утвердилась — может быть, из-за вульгарного прочтения «Культуры Два» — позиция, согласно которой был святой и непогрешимый конструктивизм, были непонятные попутчики конструктивизма, а потом пришли ретроспективисты и все испортили. Но есть симметричные ситуации в 1930-е и в 1970-е годы. И в 1930-е мы видим политические истории, изменения во всей советской культурной политике. Про это писали многие, например, про градостроительство — Марк Меерович, про стилистические вопросы — Александра Селиванова. Затем ближе к войне все поменялось,

а после войны пришли к чему-то следующему. А теперь возьмем 1970-е: и в начале Брежнев, и в конце Брежнев. Но сравним развитую модернистскую архитектуру, условно, 1970 года и 1980-го, когда к Олимпиаде по всей стране строятся крупные общественные здания. И все из стеклянного, прозрачного, асимметричного, очень близкого по духу конструктивистам становится брутальным. Происходит такое же движение к чему-то третьему, к своеобразному ар-деко, только с бетонными ребрами. Но при этом в 1970-е не было ни одного постановления, ни «борьбы с излишествами», ни решений о том, чтобы что-нибудь запретить или что-нибудь насадить. Архитектура развивается совершенно самостоятельно.

Обидно, что Селим Омарович Хан-Магомедов и исследователи его поколения не успели посмотреть на то, что их персонажи делали после, условно, 1934 года. А у некоторых лучшее приходится на эти годы, а не на 1920-е, когда они смогли построить полтора здания. Сейчас фокус смещается, происходит переоценка 1930-х: где-то это была поздняя стадия конструктивизма, а где-то — новый общий стиль, который мы изучаем в мировом контексте. В мире на ар-деко так тоже стали смотреть относительно недавно.

В. Б.: А как этот новый этап связан с накоплением знаний, информации?

Н. В.: Сейчас стали доступнее документы, есть гораздо больше проектных материалов, переписки к проектам. Это часто бездонная бочка, можно «копать» про одного архитектора всю жизнь. Но это некая кабинетная история. Мне лично интересно сравнивать: есть нечто концептуальное, есть формотворческие модели, обобщенные подходы к стилиобразованию. А реальное строительство гораздо разнообразнее. Мне кажется, все-таки, вредной иллюзией, которая была поддержана модой на бумажную архитектуру, стало представление, что визионерство — это главное. Нет, архитектура — это наполовину проект, а вторая половина — это практическая реализация. Плюс то, что происходит во время бытования здания. И здесь интересно посмотреть, как конструктивизм становится локальным, вернакулярным. Особенно в тех местах, где до этого своей большой традиции капитального строительства не было. Кроме того, часто эти здания меняются буквально на глазах. Они могут формально еще стоять, только там уже не будет тех окон, дворовых фасадов, а то и все перештукатурят, и потеряются мелочи. Но это уже вопрос охранной деятельности.

В. Б.: Тогда возникает вопрос начет охраны. Раннему модернизму уже сто лет, и мы относимся к нему, как к любой исторической архитектуре: вот барокко, а вот Лисицкий или Мельников. Но в этом есть некоторый парадокс — сами творцы этой архитектуры воспринимали ее как явление подчеркнуто современное. И не рассчитывали, что век спустя ДОСМОМО будет охранять эти памятники как исторические.

Н. В.: Да, в этом есть парадокс. Он нем хорошо написал Борис Гройс в «Коммунистическом постскрипуме». У него там есть еще важный парадокс: если искусство выглядит как искусство, следовательно, перед нами не искусство, а китч. Но в архитектуре XX века формальные оппозиции

в духе Вельфлина работают только применительно к узким явлениям. А если мы помещаем наш материал в широкий международный контекст (поскольку не бывает отдельной советской математики, где дважды два равно пяти), то полюсов оказывается как минимум три. И есть «ортодоксальный» конструктивизм, строгий, есть то, что обычно определяют как экспрессионизм (куда можно записать, например, Мельникова), а есть ретроспективное движение, которое вышло из академической, классической школы и которое не во всех странах выжило.

То есть мы видим не два, а три полюса, включая экспрессионизм, который, не отрицая жизнестроительства, отрицает формальное упрощенчество. И разные архитекторы вращаются то у одного, то у другого, то у третьего полюса. И траектории их в разные периоды могут быть разными.

В. Б.: И на это же еще накладывается география и школа — в Москве, скажем, это одна история, даже в Ленинграде совсем другая, по стране — третья.

Н. В.: Сейчас как раз много занимаются историей образования. Интересно проследить, кто где учился и как потом сложились школы вокруг этих архитекторов в крупных городах — скажем, в Ростове, в Самаре. Было поколение тех, кто учился в 1910-е. Революция, Гражданская война стали для них в какой-то степени социальным лифтом. Они оказались в городах с огромным запросом на стройку и заняли монопольное положение, и их личный вкус, сформированный в ПИГИ⁸, в УЖВЗ⁹, определил целую школу — так что даже приезжие «звезды» из столиц, участвуя в конкурсах, вынуждены были с ним соотноситься. Где-то складываются целые династии. Здорово, что есть региональные исследователи, которые это изучают. А обобщающей полемики, мне кажется, пока не хватает, ее надо больше.

В. Б.: Многие собеседники говорят, что им было бы интересно исследовать механизмы работы на уровне мастерской. Поскольку в любой конвенциональной истории архитектуры написано, например: «Здание Наркомзема, архитектор Щусев». А за этим стоит целая проектная машина.

Н. В.: Ты просто открываешь чертеж и смотришь, кто там указан в штампе. А там и руководитель мастерской, и консультанты... А кто на самом деле проектировал-то? И тут выручает некоторая насмотренность. Мы визуально сначала узнаем авторов, а потом обнаруживаем документы. Надо, с одной стороны, иметь в голове корпус визуальных материалов, а с другой — знать практику строительства. Понимать, как движется проект от человека к человеку. Просто изучения — в духе академической традиции — образцов и движения приемов недостаточно. Потому что внешне вещи могут быть похожими, но если мы посмотрим на объем, на планировки, на реальные конструкции, влияние ландшафта, климата, все оказывается сложнее.

В. Б.: Плюс к каким-то решениям разные архитекторы приходят совершенно независимо, естественным путем.

⁸ Петроградский институт гражданских инженеров.

⁹ Училище живописи, ваяния и зодчества.

Н. В.: Да, это как уравнение, у которого есть разные решения. Есть климатические требования, есть строительные нормы, которые все время усложняются, есть конструкции. А есть ощущение формы — например, когда в 1930-е годы появляется фаска окна. Не наличник, не сандрик, а просто фаска, которая дает ощущение материальности. К зданию нужно подходить, как к некой целостности.

Очень интересный пример — недавние юбилейные выставки, посвященные Щусеву. И поскольку было несколько площадок, можно было рассказать, скажем, только про церкви и про реставрацию, или про другие работы, или только про общественные здания конструктивистской эпохи. И по эскизам, по рисункам можно было проследить, как шла мысль архитектора, как рождается тот же Наркомзем с первых эскизов Гринберга и Щусева.

В. Б.: А какие исследования про 1920—1930-е хотелось бы увидеть?

Н. В.: Мне всегда интересны типологические исследования, когда есть ряд построек и проектов в сопоставлении с исходными задачами. То, что было намечено уже книжкой Ирины Чепкуновой про клубы¹⁰. Сейчас мы лучше понимаем многие вещи. И речь не только про клубы. Есть очень много интересной типологии, которая появилась в эту эпоху, например, в связи с индустриализацией городского хозяйства. Электрические подстанции, например. Или гаражи, про которые пишет Ольга Шурыгина¹¹. То же жилье можно изучать с типологической точки зрения — сопоставить кооперативные дома, разные попытки обобществления быта. Мне интересно то, что касается социологии. Скажем, уже десять лет назад вышла книжка про «Слезу социализма» на ул. Рубинштейна в Ленинграде¹². И в ней рассказано про каждого жильца и дан кусочек текста, стихов или статьи, книги, которые были написаны там. И среди прочего говорится, например, о том, какие взносы платили за обед. Потому что у нас уже вышло второе издание книги про дом Наркомфина¹³, но такой информации нет. Мы знаем, что была столовая. А сколько жильцы тратили на эту столовую? Могли они это себе позволить или нет? Или это как-то субсидировалось? Очень не хватает книг, подобных «Клубной жизни и архитектуре клуба» Вигдари Эфраимовны Хазановой. Там как раз обсуждается, как в Москве вели мониторинг свежестроенных клубов, как была устроена обратная связь.

Очень интересный сюжет — с промышленной архитектурой. Есть огромное количество крупных архитекторов, мы знаем про полтора их общественных здания, а главная работа была как раз в промышленном

¹⁰ Книга И. В. Чепкуновой «Клубы, построенные по программе профсоюзов. 1927—1930» (2006).

¹¹ Книжки О. С. Шурыгиной «Гаражи Москвы: Автомобильная архитектура 1900—1930-х годов» (2020), «Гаражи Петербурга 1900—1910-х годов: история и архитектура» (2019), «Дома для машин: Бахметьевский и другие гаражи Московского коммунального хозяйства 1920-х годов» (2025) и др.

¹² Сборник «Слеза социализма: Дом забытых писателей» (2018; сост. Е. Коган).

¹³ Книга Е. Б. Овсянниковой и Н. Ю. Васильева «Архитектура Дома Наркомфина вчера и сегодня» (2-е изд. 2024).

строительстве. Там интересно прослеживается непрерывность — например, между эпохой модерна и 1920-ми. Этот феномен пока только осознается — постреволюционный модерн. Где-то он по понятным причинам «ободран», а где-то — в хорошем камне, с рельефами, как у Бориса Белозёрского в Симферополе. А в Ленинграде, например, в конструктивизме был натуральный камень — как в Вене. Это может быть небольшой картуш над входом, но он дает совершенно другое ощущение. Поле большое, всегда интересно, что делают коллеги. Я все жду отхода от того типа искусствоведения, когда мы просто соревнуемся в эрудиции. Сейчас мы живем в мире информационной сверхпроводимости.

В. Б.: Спасибо!

Интервью с Александрой Селивановой

В. Б.: Здравствуйте, Александра! Скажите, пожалуйста, есть ли какая-то особенная перспектива, особый взгляд и инструментарий в последней волне исследований советской архитектуры? И насколько, на ваш взгляд, продуктивна «политическая» рамка, методология, связывающая архитектурные процессы, здания, проекты, языки прежде всего со вкусами и запросами власти?

А. С.: Разговор об истории советской архитектуры теперь все чаще ведется в контексте политической, социальной, экономической истории — и это большое достижение, я невероятно рада, что это, наконец, происходит. Потому что, скажем, еще в начале 2000-х годов подобный подход и такая оптика вовсе не были популярны среди авторитетных историков архитектуры. Она не особенно поддерживалась в научных кругах. Например, в моем научном институте, НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства, мало кто заходил на эти опасные территории. Изучение истории советской архитектуры в большей степени носило чисто искусствоведческий характер. Тексты 1970–1990-х годов во многом, конечно, ориентировались на классический искусствоведческий формальный анализ: заимствования, связи, образность, в меньшей степени даже функциональность. А политическая оптика воспринималась как удел авторов, занимавших маргинальные позиции среди историков архитектуры, искусствоведов — таких, как, условно, Владимир Паперный, или Борис Гройс, или позже Дмитрий Хмельницкий (я их ни в коей мере не сравниваю между собой, но лишь отмечаю отношение к ним). Конечно, хотелось бы более научного подхода, чем у упомянутых авторов. И вот того, чего, на мой взгляд, всегда не хватало, — это работы с архивами. Большинство исследователей в большей степени ориентировались на уже опубликованные материалы. Благо Селим Омарович Хан-Магомедов подготовил огромный корпус документов и чертежей в том виде, в каком у него был к ним доступ. И это все не пересматривалось заново. И то, что в последние годы как раз активнее стали появляться исследования на основе семейных архивов, частных коллекций, фондов Музея архитектуры, куда упростился доступ, архивов проектной документации и музеев исто-

рии городов и так далее, — это очень положительные изменения, которые позволили многие вещи переоценить, увидеть гораздо шире. И здесь, мне кажется, есть еще большие перспективы, огромные лакуны неизученного, неисследованного, неопisanного.

В. Б.: А какой масштаб исследований вам представляется наиболее перспективным: от макроистории, от процессов на уровне советской архитектуры целых десятилетий до микроистории конкретных сюжетов? И какие исследовательские направления сегодня выглядят интересными и обещают наибольшее приращение знания: история профессиональных институтов, творчество отдельного архитектора, история форм, архитектурных идей, теорий, школы, проектной инфраструктуры, проблемы центра — периферии, метрополии — провинций — колоний?

А. С.: Мне кажется чрезвычайно интересным именно микроисторическое изучение, потому что здесь обнаруживаются какие-то важные сюжеты, влияния, контакты, которые пропадали за широкими мазками описания архитектуры советского авангарда и дальше, условного «сталинского ампира». Все эти крупные зонтичные термины прошлого столетия, к счастью, сейчас стали постепенно разбираться, деконструироваться. И мне кажется, что это тоже большой успех, потому что вся история оказывается гораздо сложнее. Было множество группировок, множество разных методик, подходов к архитектуре.

Отмечу в первую очередь, что в последние годы стали выходить посвященные отдельным архитекторам монографии, которые как раз в большей степени опираются на архивные исторические материалы и позволяют этот «лакированный» образ многих из первых величин, первых имен увидеть заново. Это большая удача, хотя по-прежнему существует целый ряд «неприкасаемых» фигур, до которых еще предстоит добраться и как-то заново их проанализировать: как пример, архитекторы-чиновники, «зачистившие» профессиональное сообщество в 1930-е и затем много лет возглавлявшие его. Тот же Алабян, Власов, Мордвинов, Чечулин — есть что разобрать. Но этот процесс идет, и в течение ближайших десяти лет появятся, я надеюсь, десятки исследований, где эти недоизученные имена или те, про которые уже «и так все понятно», будут подняты заново и заново описаны.

Мне кажется очень важным исследование проектных институтов, контор — это направление, начатое в свое время Игорем Казусем, к огромному сожалению, особо никем не поддержано. И это просто Клондайк: как они существовали, как распределялись заказы, как работали строительные кооперативы и так далее. Пока есть точечные исследования, которые делают, например, мои коллеги Константин Гудков и Александр Дуднев (проект «1931»). Та работа, что мы делали с ними про Обрабстрой, например, или то, как они занимаются изучением строительства Общества политехторжан, приоткрывает целые большие, действительно никем не поднятые пласты истории советской архитектуры, которые существовали параллельно, отдельно, независимо от масштабных и хорошо изученных институций.

Но, с другой стороны, даже Союз советских архитекторов, а именно его региональные отделения, тоже остается в тени, остается недоизученным.

В. Б.: А с какими проблемами сегодня сталкиваются исследователи советской архитектуры — помимо обычных для историка трудностей с доступностью материала, архивов?

А. С.: Здесь нужно сказать о том, насколько не хватает обмена информацией — и сейчас, к сожалению, чем дальше, тем больше: и в контексте современной изоляции, и в первую очередь самоизоляции России, и из-за замкнутости московских историков на Москве, петербургских на Ленинграде, екатеринбургских, омских, новосибирских, соответственно, на своей истории, и так далее, и так далее. Сибирь сама по себе, Урал сам по себе. Мы практически не знаем этих историй, имен, фактов, отсутствует какой-то обмен. И невероятно интересные исследования, которые делаются в отдельных городах, остаются только локальным материалом и не становятся широко известны.

Из-за фактического уничтожения НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства этот обмен практически прекратился — это все-таки была сеть филиалов и отдельных ученых, представляющих разные города, разные регионы, случались конференции, выходили сборники. Мы сейчас существуем, как мне кажется, в состоянии абсолютной феодальной раздробленности в смысле исторических и искусствоведческих исследований, где большая история не выстраивается из множества малых и никакого обмена не существует. Что уж говорить о других странах, о бывших советских республиках. Эти материалы теперь тоже недоступны; обмен, который был в 1980-х, 1990-х годах между историками архитектуры, сейчас все больше и больше истощается и практически исчезает. В какой-то степени он сохраняется только за счет хороших личных отношений, никакой научной «инфраструктуры» для совместных работ больше нет. Вот эта вот разобщенность, невозможность обмена, недоступность архивов, обсуждений, дискуссий, совместных публикаций — это огромная проблема, эхо которой будет, я думаю, звучать еще долго.

Ту же проблему мы видим и в мировом масштабе (она была и ранее, но сейчас она усугубляется многократно) — темы, посвященные работе советских архитекторов в контексте мировой архитектуры, история обмена, конкурсов, поездок, переписки, взаимовлияний и так далее. В какой-то степени это исследовалось в 1990-е годы, в начале 2000-х. Из последних таких масштабных публикаций я бы назвала исследование Жана-Луи Коэна, к сожалению покойного, посвященное советско-американским проектным связям. Вот таких исследований не хватает, хотя совершенно точно мы не можем говорить об истории раннесоветской архитектуры (да на самом деле и советского модернизма 1950-х, 1960-х и 1970-х) вне контекста связей и отношений с мировыми архитектурными процессами, мировым сообществом. Вот эта экзотизация архитектуры советского авангарда, которая была в позднем СССР, сейчас снова возвращается, он вновь предстает как нечто абсолютно замкнутое, герметичное, ни на что

не похожее, существовавшее только здесь и сейчас. У этой изоляции тоже будут далеко идущие очень негативные последствия. Поток довольно поверхностных выставок (и книг) об архитектуре и искусстве 1920—1940-х в жанре «русское лучшее и уникальное» уплощает тему и отбрасывает научную дискуссию на много лет назад. Более того, эти оды авангарду создаются на фоне руин и под звуки сноса памятников архитектуры, которые по-прежнему разрушаются по всей стране.

И это тоже огромная потеря.

В. Б.: Спасибо!

Интервью с Александром Дудневым и Константином Гудковым

В. Б.: Александр, Константин, здравствуйте! Первый вопрос — про историографию советской архитектуры. В каких направлениях сейчас развиваются исследования и какие направления вам представляются перспективными?

А. Д.: Мы не видим в последнее время никакой особенной ревизии или прорывов. Назовем это углублением и разработкой тех тем и нарративов, которые сложились раньше. Общий канон — ориентация на творцов и стиль (линия Селима Хан-Магомедова) и тоталитарный социологический «контекст» от Марка Мееровича. Здесь за последние лет десять мы даже не можем выделить каких-то книг, которые принципиально поменяли наши представления об архитектуре 1920—1930-х. Книги, кажется, сейчас ушли на второй план в изучении и обсуждении этой архитектуры, теперь дискуссия как будто происходит через язык выставок. Причем если в начале 2000-х инициатива в разговоре об авангарде исходила от ведомых своим интересом специалистов, то теперь все подчинено задаче овладеть вниманием массовой аудитории. Выставки работают в одной оптике: фокус на значительных персонах, на архитекторах, которых нам должно быть интересно знать. То есть по форме это зрительские выставки (должны понравиться зрителю), а по содержанию — кураторские (на основе взгляда и нарратива кураторов). Таковы монографические выставки-хиты — Щусева, Мельникова в Музее архитектуры или про «конструктивизм вообще» в Центре «Зотов». Их язык — это соединение валоризации с юбилейным славословием: мы приходим поклониться работам великих, прикоснуться к прекрасному, взять из кладовой знаний. Музей ведет разговор с позиции «сверху вниз». Исследователи, кураторы, которые делают эти выставки, действительно видят в этом миссию популяризации, просвещения.

В. Б.: Ну, для музея, наверное, популяризация — это неплохо. Другое дело, что на вопрос, каких исследований сейчас еще не хватает, большинство собеседников ответили: пока не хватает институционального уровня. Чтобы не просто было написано, что дом построил, например, Щусев — за этим есть инфраструктура, мастерская. Чтобы было понимание, как работает архитектура.

К. Г.: Да, конечно, эти идеи созвучны тому, что и мы писали про выставку о Щусеве в своих рецензиях в телеграм-канале 1931.center. На-

верное, это даже «лайт-версия» того, что мы хотели бы видеть в качестве трансформации оптики и философии исследований архитектуры — в форме выставок или книг, неважно. Мы ожидаем от исследователей критического взгляда, анализа, оригинального осмысления, новых вопросов, которые двигали бы вперед науку. А не просто инвентаризации и предъявления публике архивов. И для этого не хватает в первую очередь рефлексии. Можем ли мы представить себе исследователей, которые честно говорят о том, что именно помешало изучить мастерскую Шусева для последней выставки о нем, если большинство историков архитектуры это давно интересует? Кстати, по поводу институциональной истории проектирования — есть ведь потрясающе подробная работа Игоря Казуса, но, к огромному сожалению, она не была по-настоящему прочитана и линии работ в этом направлении не появилось! Кроме, конечно, прекрасного труда Ольги Шурыгиной о гаражах. Хочется деконструировать традиционный взгляд на авангард, критически описав то, как мы видим его сегодня. Например, вырвав из колеи адвокации авангардистов, которая опирается на их самомифологизацию. Те рассказывали свою историю — как они, авторы, создают архитектуру, а им что-то мешает, что-то вдохновляет, и они идут от одного варианта проекта к другому. И наши искусствоведы эти же взгляды воспроизводят и ретранслируют публике как факты. Никакой альтернативы этому почти не слышно. И даже работы, которые прозвучали как развенчивающие кумиров, — к примеру, тексты о Шусеве Дмитрия Хмельницкого¹⁴ или о Шухове¹⁵ и Жолтовском¹⁶ Ильи Печёнкина и Ольги Шурыгиной, на самом деле лишь утверждают этот канон «культы личности», вокруг которой сфокусировано все внимание, неважно, с целью прославления или пересмотра заслуг.

Еще одна проблема, которая уже слишком режет глаз последние годы, — и именно благодаря выставкам ее сложнее всего скрывать — методология исследований архитектуры продолжает оставаться позитивистской. Как исследователи, так и кураторы в первую очередь нацелены на выявление и предъявление самых интересных и ранее неизвестных фактов и артефактов. Как бы подразумевается, что если все они сложатся, как кирпичики, то это и будет история архитектуры. Отличная новость — то, что работ в публичном доступе ставится все больше, настоящая революция — это ресурс goskatalog.ru, он, хочется верить, положит конец монополии на наследие, которую присвоили себе музеи и эксперты. Качеству работы с источниками тоже уделяется больше внимания. Тут, конечно, нужно выразить уважение смелой и методичной работе Ильи Печёнкина и Ольги Шурыгиной, которые, как мы это видим, утверждают новый

¹⁴ Книга Д. Н. Хмельницкого (Chmelnizki D.) «Alexey Shchusev. Architect of Stalin's empire style» (2021).

¹⁵ Статья И. Е. Печёнкина «Чего не придумывал Шухов, или Еще раз о перекрытиях Верхних торговых рядов в Москве» (Архитектурное наследие. Вып. 69 (2018). С. 148–159).

¹⁶ Книга И. Е. Печёнкина и О. С. Шурыгиной «Иван Жолтовский: жизнь и творчество» (в 2 кн.; 2021).

стандарт аргументации выводов источниками и не бояться ставить под сомнение и отвергать не имеющие подтверждения «общеизвестные» факты. То, как это делают Илья и Ольга, не просто очень качественно сработано с точки зрения науки, но и невероятно захватывающе и очень вдохновляет, во всяком случае, нас.

Тем не менее мы не можем думать, что только через качественную работу с источниками мы можем выйти на понимание истории. Очарование источниками — это тупик. Это приводит к отсутствию других вопросов и, наверное, к неправильному восприятию того, что такое искусство, у людей, которые приходят на эти выставки или на экскурсии. Оказалось, что вокруг этой позитивистской истории запросто формируется облако мифов, с которым мы потом тщательно пытаемся бороться. Например, многочисленные сюжеты о роли Сталина и всяких постановлений чуть более, чем во всем, что случалось в советской архитектуре. Тут формально все верно, в постановлениях было написано ровно то, что сегодня говорят искусствоведы, но история — это не перечисление фактов и дат, это интерпретация связанных с различными акторами, разнообразных и в том числе противоречащих друг другу источников.

В. Б.: А есть ли, пусть на другом материале, исследования, которые вам кажутся образцовыми?

А. Д.: Ну, например, «Белый город, черный город» Шарона Ротбарда или «Воинствующий модернизм» Оуэна Хазерли. Там мы действительно можем благодаря работе с архитектурой по-другому посмотреть на ее и нашу сегодняшнюю жизнь, на социальную роль архитектуры авангарда и на мифы вокруг нее и продолжать ставить другие, уже собственные вопросы.

Мы можем изучать историю архитектуры не только позитивистски или разбирая ее морфологически, искусствоведчески, но и привлекая другие науки для ее понимания. Для архитектуры 1920–1930-х, архитектуры, которую и Хан-Магомедов называл коллективной, невозможно не привлекать социологию. Как без этого ее изучать? К сожалению, в современной истории советской архитектуры до сих пор почти нет места никому, кроме Сталина и условного Щусева (или Мельникова, неважно), которые выступают в роли демиургов, сверхархитекторов. Здесь возникает опасная параллель с моделью истории сталинизма, которую историки называют тоталитарной, где вне зависимости от отношения к Сталину его воспринимают как главного героя всех событий, а советское общество — как функцию его власти и действий. Мы видим альтернативу в изучении вопросов, связанных с другими акторами. Лично для нас это, к примеру, жилищные кооперативы, про которые я делаю исследование, или Общество политкаторжан как заказчик архитектуры, которым занимается Константин. Мы хотели бы изучить тему коллективного заказчика, то, как сообщество формирует видение будущего, конструирует видение пространства и способы его организации, как взаимодействуют коллектив, архитектор, власть — вообще, все агенты, которые есть в этом поле.

И мы бы хотели, чтобы в Музее архитектуры прошла выставка, например, про жилищную кооперацию. Но пока такую выставку представить сложно. Про архитекторов можно, про стиль можно, но нельзя представить выставку про жителей. И если вообразить себе идеальную полку книг про историю советской архитектуры, то, по нашему мнению, на ней должны быть исследования про жилищную кооперацию, про жителей, про вещи более социальные, антропологические. Насаждали новый быт или не насаждали? Что такое дом-коммуна, утопия это или нет? И так далее. А пока у нас есть разрыв между теоретизированием, которое в основном происходит на Западе, и эмпирическим материалом, который продолжает производиться в России чуть ли не как сырье.

Мы видим здесь огромный потенциал для развития, мы верим, что эта работа будет обязательно сделана, и если в крупных культурных институтах сейчас доминирует канон, который мы сейчас описали, то среди независимых исследователей, площадками для которых пока служат телеграм-каналы или небольшие конференции, мы наблюдаем много междисциплинарной работы, соединяющей историю архитектуры с антропологией и самыми разными темами — от памяти до экологии. У нас большие ожидания от новых форм производства знания — в первую очередь, от гражданской науки и цифровой гуманитаристики. Именно на них рассчитано наше новое большое исследование, и мы хотим, чтобы оно помогло революционизировать изучение архитектуры авангарда. Его результатом будет книга с названием «Москва на стройке», которая сейчас готовится к печати, а в будущем — и база данных. Во-первых, эта работа соединит две будто бы противоположные темы — с одной стороны, это критический взгляд на методологию изучения советской архитектуры 1917–1941 годов. То, о чем мы сегодня говорили, можно назвать демоверсией большого разбора, который мы там проводим. И, с другой стороны, это будет максимально подробный и точный каталог всех зданий Москвы, построенных в этот период. Здесь тоже множество вещей мы сделаем впервые: включим в него все без исключения здания — не только каждый жилой дом, но и каждый корпус завода или, например, общественную уборную. Во-вторых, мы сделали переатрибуцию абсолютно всех объектов по первоисточникам, исправили сотни ошибок предшествующей историографии.

В. Б.: А сколько зданий попадает в ваше исследование?

К. Г.: У нас их сейчас около 6000. А в именном указателе архитекторов будет почти 1500 фамилий. Мы увидели, что все эти годы историки архитектуры создавали что-то вроде элитного клуба из пары-тройки десятков имен. Про остальных почти не писали, не говорили, их мысли и постройки мало кого интересовали. Ну и почти все известное на «общегосударственном уровне» — Москва. Для нас в направлении поиска нового регионального взгляда большим вдохновением является сообщество Екатеринбурга и лично Лариса Пискунова, Игорь Янков и Константин Бугров, они делают новаторскую работу в форме публичной истории, в том

числе выставок, и исследуют, например, авангард как миф, а также то, как архитектура конструктивизма влияет на сегодняшнее восприятие города екатеринбуржцами.

Мы, безусловно, вдохновлялись в своей работе книгой «Новые дома» Елены Соловьёвой и Татьяны Царёвой и «Красной книгой» Елены Овсянниковой, Николая Васильева и коллег. И конечно, серией «Незамеченный авангард» под руководством Александры Селивановой, где мы тоже приняли участие. Хотя в своей работе сделали все наоборот, отказавшись от стилистических и ценностных критериев, расширив временную рамку до 1917–1941 годов, и главное, мы не брали за основу известный нам список зданий, а поставили целью атрибутировать все записи в кадастре, помеченные как постройки нашего периода.

Мы использовали только архивные материалы — чертежи, техническую документацию в Центральном государственном архиве города Москвы, личные дела Союза архитекторов в Российском государственном архиве литературы и искусства, а также архитектурные журналы и газеты — и даем в каталоге все ссылки по каждому объекту. Впервые благодаря нашей работе любой человек сможет сконструировать свое исследование и пойти дальше. Мы сами сделали множество выводов через «дальнее чтение» (например, о соотношении голоса заказчика и голоса архитектора) и кое-где уже успели обчислить количественные данные по объектам и их характеристикам. Надеемся скоро опубликовать книгу — думаем, что такое сочетание критического взгляда, предложений по возможным подходам и подробного каталога потенциальных источников вместе будет вдохновляющим ресурсом для новых вопросов и исследований.

В. Б.: Спасибо!

Информация об авторах

Лев Карлосович Масиель Санчес

кандидат искусствоведения

независимый исследователь

Мексика, Мехико

✉ leomaciels@mail.ru

Юлия Дмитриевна Старостенко

кандидат архитектуры

ученый секретарь, Государственный

научно-исследовательский музей

архитектуры им. А. В. Щусева

Россия, 119019, Москва,

ул. Воздвиженка, д. 5/25

✉ ystarostenko@yandex.ru

Information about the authors

Liev Maciel Sánchez

Cand. Sci. (Art Studies)

Independent Researcher

Mexico, Mexico City

✉ leomaciels@mail.ru

Yulia Dmitrievna Starostenko

Cand. Sci. (Architecture)

Academic Secretary, A. V. Shchusev

State Museum of Architecture

Russia, 119019, Moscow, Vozdvizhenka

Str., 5/25

✉ ystarostenko@yandex.ru

Ксения Александровна Малич

кандидат искусствоведения
доцент, академический руководитель
магистратуры, Школа дизайна,
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики»
Россия, 196608, Санкт-Петербург,
Промышленная ул., д. 17
✉ kseniamalich@gmail.com

Иван Владимирович Невзгодин

доктор архитектуры (Нидерланды),
кандидат архитектуры (Россия)
ассистирующий профессор, факультет
архитектуры и среды, Делфтский
технический университет
Julianalaan 134, 2628 BL Delft,
Netherlands
✉ i.nevzgodin@tudelft.nl

Николай Юрьевич Васильев

кандидат искусствоведения
профессор, кафедра архитектуры,
Московский государственный
академический художественный
институт им. В. И. Сурикова при РАХ
Россия, 109004, Москва, Товарищеский
пер., д. 30.
доцент, кафедра основ архитектуры
и художественных коммуникаций,
Национальный исследовательский
Московский государственный
строительный университет
Россия, 129337, Москва, Ярославское
шоссе, д. 26
✉ nikolai@vassiliev.net

Александра Николаевна Селиванова

кандидат архитектуры
исследователь (PostDoc), Университет
Баухаус (Bauhaus-Universität)
Berkaerstr. 1, 99423 Weimar, Germany
✉ al.selivanova@gmail.com

Александр Сергеевич Дуднев

магистр истории
старший преподаватель, факультет
гуманитарных наук, Московская
высшая школа социальных
и экономических наук
Россия, 125009, Москва, Газетный пер.,
д. 3–5, стр. 1
✉ dudnev@gmail.com

Ksenia Aleksandrovna Malich

Cand. Sci. (Art Studies)
Associate Professor, Academic
Supervisor of the Master's Programme
in Design, School of Design, HSE
University
Russia, 196608, Saint Petersburg,
Promyshlennaya ul., 17
✉ kseniamalich@gmail.com

Ivan Vladimirovich Nevzgodin

Dr. of Architecture (Netherlands), Cand.
Sci. (Architecture) (Russia)
Assistant Professor, Faculty
of Architecture and the Built
Environment, Delft University
of Technology
Julianalaan 134, 2628 BL Delft,
Netherlands
✉ i.nevzgodin@tudelft.nl

Nikolai Yur'evich Vassiliev

Cand. Sci. (Art Studies)
Professor, Department of Architecture,
Moscow State Academic Art Institute
named after V. I. Surikov of Russian
Academy of Arts
Russia, 109004, Moscow,
Tovarishchesky Pereulok, 30
Associate Professor, Department
of Basics of Architecture and Artistic
Communication, National Research
Moscow State University of Civil
Engineering
Russia, 129337, Moscow, Yaroslavl'skoe
Shosse, 26
✉ nikolai@vassiliev.net

Aleksandra Nikolaevna Selivanova

Cand. Sci. (Architecture)
Postdoctoral Fellow, Bauhaus
University Weimar
Berkaerstr. 1, 99423 Weimar, Germany
✉ al.selivanova@gmail.com

Aleksandr Sergeevich Dudnev

MA in Public History
Senior Lecturer, Faculty of Humanities,
Moscow School of Social and Economic
Sciences
Russia, 125009, Moscow, Gazetny Lane,
3–5, Bld. 1
✉ dudnev@gmail.com

Константин Михайлович Гудков

*магистр истории
старший преподаватель, факультет
гуманитарных наук, Московская
высшая школа социальных
и экономических наук
Россия, 125009, Москва, Газетный пер.,
д. 3–5, стр. 1
✉ kmgudkov@gmail.com*

Вадим Григорьевич Басс

*кандидат искусствоведения
доцент, Школа искусств и культурного
наследия, Европейский университет
в Санкт-Петербурге
Россия, 191187, Санкт-Петербург,
Гагаринская ул., д. 6/1А
✉ bass@eu.spb.ru*

Konstantin Mikhaylovich Gudkov

*MA in Public History
Senior Lecturer, Faculty of Humanities,
Moscow School of Social and Economic
Sciences
Russia, 125009, Moscow, Gazetny Lane,
3–5, Bld. 1
✉ kmgudkov@gmail.com*

Vadim Grigor'evich Bass

*Cand. Sci. (Art Studies)
Associate Professor, School of Arts and
Cultural Heritage, European University
at St. Petersburg
Russia, 191187, Saint Petersburg,
Gagarinskaya Str., 6/1A
✉ bass@eu.spb.ru*